

Н. А. Тряпочкин

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург)

К. И. КОМИССАРОВ. ПРИЗНАННЫЙ, НО НЕ БЕССПОРНЫЙ ФАКТ

Вот уже несколько веков отечественные ученые-юристы ведут довольно сложную дискуссию о том, что представляет собой цивилистическое судебное признание – одно из средств доказывания по рассматриваемому судом гражданскому (или арбитражному) делу или волевой акт участвующих в деле лиц, направленный на освобождение процессуального оппонента от обязанности доказывать признанные ими обстоятельства.

Автор отмечает, что в советский период упомянутая дискуссия почти свелась на нет, и рассматривает причины, по которым были отринуты распорядительная и комбинированная (смешанная) теории о признании фактов. Большое внимание в результате этого отказа советские ученые стали уделять доказательственной теории. Вместе с тем лишь малая часть трудов затрагивает проблематику терминологического аппарата в данной сфере. Первым, кто обратил внимание на то, что признание не есть бесспорный факт, освобождающий от доказывания, стал К. И. Комиссаров. В статье анализируются приводимые им аргументы и подчеркивается вклад ученого в развитие отечественной процессуальной науки.

Ключевые слова: гражданский процесс, признание фактов, факт, лица, участвующие в деле, суд

Для цитирования

Тряпочкин Н. А. К. И. Комиссаров. Признанный, но не бесспорный факт // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 3. С. 45–51. DOI: 10.34076/2410-2709-2024-141-3-45-51.

УДК 347.944.2

DOI: 10.34076/2410-2709-2024-141-3-45-51

В отечественном цивилистическом процессе признание лицами, участвующими в деле, фактов – явление весьма интригующее и неоднозначное.

Некоторые российские ученые-процессуалисты указывают, что признание фактов выступает одним из средств доказывания по делу и может быть представлено к исследованию судом лицами, участвующими в деле (доказательственная теория), а также их представителями и третьими лицами [Михайлов 1856: 127–128; Пахман 1877: 410–412].

Другие, напротив, подробно излагают мысль о том, что признание факта, предмета доказывания по рассматриваемому делу или правовой квалификации правоотношения между спорящими лицами есть не что иное, как распорядительный акт стороны, которым

она освобождает своего процессуального оппонента от обязанности доказывать тот круг обстоятельств, который формирует предмет заявленного суду признания (распорядительная теория) [Малинин 1878: 11–16; Гольмстен 1913: 197].

Третьи полагают, что единожды адресованное суду признание в момент своего заявления суду представляет собой волевой акт стороны, а после его принятия судом и закрепления в материалах дела становится одним из средств доказывания (комбинированная (смешанная) теория) [Васьковский 2016: 578; Полумордвинов 1940: 126].

Четвертые обходят представленную дискуссию о правовой природе цивилистических судебных признаний стороной, полагая, что прежде необходимо разобраться, как

следует определять их предмет [Юдельсон 1951: 205–207].

Наконец, кто-то и вовсе говорит о том, что верно вести рассуждения об объектах признаний как о более широкой области исследований, постепенно уточняя ее отдельные грани [Пучинский 1955: 34; Клейнман 1950: 62].

Такой плюрализм был характерен для отечественной юридической науки далеко не всегда. Развитие правовой (в первую очередь процессуальной) науки в советский период, о котором преимущественно и пойдет речь дальше, к сожалению, свело упомянутую дискуссию о природе признания фактов и их предметной области фактически на нет. Ученое сообщество стало твердо настаивать на том, что советская юридическая наука должна быть избавлена от всех буржуазных пережитков. Одними из них как раз и были признаны распорядительная и комбинированная теории о признании фактов.

Первая теория, очевидно, «отпала» по причине того, что судебная система советского периода скрупулезно следовала идеям процесса следственного типа. Единственным субъектом, во власти которого было распоряжение правами и обязанностями лиц, участвующих в деле, был суд. Сами тяжущиеся, всецело подчиняясь букве закона (ГПК РСФСР 1923 г., а затем ГПК РСФСР 1964 г.) и воле судьи, исполняли свои обязанности. Судья не только наблюдал за тем, как процессуальные оппоненты представляли к исследованию имеющиеся у них доказательства, но и, что полностью соответствовало доктрине, мог самостоятельно определять, достаточно ли их для нахождения материальной истины по делу или же необходимо предоставить ему для изучения что-то еще.

Вторая теория вполне логично «отправилась в небытие» за первой. Случилось это даже не столько потому, что она частично оправдывала существование акта волей самих тяжущихся и обязывала суд следовать этой воле, сколько, думается, ввиду абсурдности своего механизма заявления суду признаний в целом. Дробление признания на два самостоятельных вида с их последующим объединением, направляющее суд по верному пути исследования доказательств, с последующим нахождением искомой им, а также, как минимум, одним из тяжущихся истины по рассматриваемому делу [Васьковский

2016: 580–581], откровенно говоря, звучит весьма неубедительно. Если рассматривать эту теорию детальнее, то странностей становится еще больше.

Заявляя признание, лицо, участвующее в деле, по логике автора теории, стремится прежде всего освободить своего процессуального оппонента от обязанности доказывать конкретный факт [Там же: 580]. Очевидно, подобная «схема» прямо противоречит основам процесса следственного типа, в котором тяжущиеся вовсе не «помогают» друг другу, а следуют указаниям суда, чтобы он мог установить материальную истину по рассматриваемому делу. Вынесение объективно правосудного решения – вот единственный ориентир для любого судебного органа в анализируемый исторический период.

Превращение акта распоряжения волей в одно из средств доказывания по делу [Там же: 580–581] вызывает еще большее недоумение. Во-первых, ни в одной из союзных республик процессуальное законодательство не знало ни одного средства для трансформации воли в объективизированную составляющую, которую суд в дальнейшем воспринимал бы как одно из средств доказывания по разрешаемому им спору, тем более по освобождению от исполняемых им обязанностей лица, участвующего в деле, его процессуальным оппонентом. Во-вторых, не совсем ясно, как суд должен был в дальнейшем устанавливать соотношение такого доказательства с другими имеющимися в деле. Если критерии относимости и допустимости доказательств определить вполне можно, то установить истинный характер упомянутого выше средства доказывания можно лишь путем сопоставления его с другими уже имеющимися в деле доказательствами, чего суд и пытается добиться изначально.

Итак, отныне единственно верным подходом было принято считать следующий: заявленное суду лицом, участвующим в деле, признание факта всегда выступает в качестве одного из средств доказывания по делу. Однако наличия позитивного эффекта от произошедшего тоже нельзя отрицать: отказ от двух названных точек зрения, которые не нашли себе «места» в советской процессуальной доктрине, позволил ученым-юристам с головой «погрузиться» в анализ доказательственной теории.

Отдельного упоминания в контексте развития доказательственной теории о признании фактов в цивилистическом процессе в указанный период заслуживает исследование представителя уральской школы процессуального права профессора К. И. Комиссарова.

В то время многие ученые изучали границы предмета судебного признания [Пучинский 1955: 48–51], порой забывая, что еще неясно, о предмете или об объекте признания лучше вести речь, исследовали правовые последствия заявления такого признания (и момент их непосредственного наступления) [Зейдер 1926: 428–429], анализировали процедуры его принятия судом и возможного отказа в принятии (в частности, рассуждали об основаниях такого отказа) [Клейнман 1950: 64–72]. К. И. Комиссаров же обращал внимание на одну крайне важную, на наш взгляд, вещь: признание не есть бесспорный факт, освобождающий от доказывания. Такое смешение в целом кажется нелепым, недопустимым и подрывает саму логику существования и применения указанного процессуального института. К. И. Комиссаров – единственным и первым в тот момент – совершенно верно указал на обнаруженную им неточность в использовании юридической терминологии. Он писал: «Бесспорными называются факты, признанные стороной, против которой они направлены. Но совершенно очевидно, что одно только признание факта заинтересованной стороной не делает его бесспорно достоверным, поэтому было бы точнее именовать подобные факты не бесспорными, а неоспариваемыми или признанными» [Комиссаров 1971: 84].

Правильность сказанного не вызывает никаких сомнений. Действительно, признание лицом, участвующим в деле, факта вовсе не свидетельствует о том, что на самом деле он существовал или был таким, как описывает суду признающийся.

Во-первых, механизм принятия, исследования и последующей оценки судом признаний, заявленных ему лицами, участвующими в деле, в рамках применявшейся в советский период доказательственной теории включал всего один способ проверить достоверность адресованной суду информации: сопоставление нового полученного средства доказывания с другими, как уже имеющимися в деле, так и теми, которые появятся там чуть поз-

же, по ходу исследования судом представляемых ему доказательств. Таким образом, вопрос об истинности факта, засвидетельствованного признающимся, зависит от других представленных в деле доказательств, которых порой может быть недостаточно, или же которые могут подтверждать достоверность устанавливаемого факта лишь частично или косвенно.

Во-вторых, очевидно, что не всякое признание, полученное судом от лиц, участвующих в деле, и от других участников процесса, ставит цель определить достоверность фактов, на которые ссылается процессуальный оппонент признающегося. Хотя многие исследования прямо указывают на этот негативный для самого автора признания эффект, мы предлагаем не рассматривать его как характерный признак заявленного признания [Тряпочкин 2022: 93–94]. Напротив, логично полагать, что правовой эффект от принятого судом признания лица, участвующего в деле,

Признание лицом, участвующим в деле, факта вовсе не свидетельствует о том, что на самом деле он существовал или был таким, как описывает суду признающийся

может носить для последнего и некоторый (очевидно, скрытый от его оппонента, суда и других участников судебной процедуры) позитивный оттенок: если суд примет отдельное признание, то, возможно, не станет исследовать ту область правоотношений спорящих сторон, которую он в отсутствие признания мог бы тщательно проанализировать. Очевидно, что нельзя говорить о бесспорности тех фактов, в признании которых признающийся мог быть лично заинтересован. Думается, что признания, которые заявлены лицами, участвующими в деле, и другими участниками процесса с умыслом, так или иначе, если и не в гражданском судопроизводстве, то в арбитражном, составляют большую часть всех признаний.

Естественно, вряд ли можно проверить подобный довод, опираясь на обзоры практики или самостоятельно анализируя дела, доступ к которым можно получить в судебных архивах. Однако сказанное видится

вполне логичным. Состязательный тип процесса, ориентирующий всех лиц, участвующих в деле, а также суд на установление формальной истины, вовсе не требует детального исследования обстоятельств и изложенных в признании фактов. Единственное, что требуется от суда согласно логике ст. 68 ГПК РФ и ст. 70 АПК РФ, – по возможности установить наличие или отсутствие пороков воли или волеизъявления у заявителя. Суд не обязан выяснять, соответствует ли признание обстоятельствам, установленным ранее, с помощью доказательств, согласен ли ныне освобожденный от доказывания процессуальный оппонент с происходящим, общеизвестен ли признанный факт и не противоречит ли он обстоятельствам дела, с которыми сопоставляется.

Правильно ли это? На этот счет у нас есть сомнения. Не противоречит ли это основам состязательного процесса, направленного на установление формальной истины по рассматриваемому делу? Здесь у нас сомнений нет: все сказанное и обсуждаемое полноценно соотносится между собой. Следовательно, признаваться (в полноценном понимании этого процесса) можно и в том, чего на самом деле не было. Можно признаваться частично, а можно просто соглашаться с процессуальным оппонентом, рассчитывая на то, что впоследствии суд, возможно, не будет устанавливать истинный характер анализируемого факта или правоотношения, возникшего между спорящими. В конце концов, есть подозрение, что анализируемый аспект признаний порой носит не столько процессуальный, сколько психологический характер.

Вернемся к рассуждениям К. И. Комиссарова. Он отмечал, что нельзя каждый раз с уверенностью утверждать, что само по себе признание, его предмет (все же этот термин выглядит более уместным, чем термин «объект») истинны, а следовательно, бесспорны. Ученый приводил в поддержку отстаиваемой им позиции еще один весьма интересный аргумент: «...Признанный факт суд принимает не потому, что он вообще не нуждается в доказывании, а потому, что в достаточной степени доказан одним лишь признанием и не нуждается в дополнительном подтверждении иными доказательствами. Признание, являющееся средством доказывания, имеет значение в плоскости оценки достаточности

доказательств, обстоятельством же, освобождающим от доказывания, его считать нельзя» [Комиссаров 1971: 85].

Определенно, сказанное также отражает всю уникальность взгляда ученого на правовую природу судебного признания, и сама идея аргументировать свою позицию таким путем, полагаем, ясна. Думается, однако, что в самой авторской формулировке указанного аргумента есть некоторые дискуссионные элементы.

Суть доказательственной теории состоит в том, что достоверность признанного факта проверяется путем сопоставления его с другими имеющимися в деле доказательствами. Отсутствие проверочного механизма и непосредственное принятие судом заявленного ему признания, если суд не установил, что признание спровоцировано или заявитель недобросовестный, скорее, отсылает к распорядительной теории понимания правовой природы признания. Именно ее сторонники настаивали на том, что признание факта нужно исследовать лишь на предмет наличия или отсутствия в нем пороков воли или волеизъявления, не обращаясь к другим уже имеющимся в деле доказательствам. Доказательственная теория полностью игнорирует названные негативные факторы, прямо определяя достоверный или ложный характер представленного суду средства доказывания, анализируя грани его соотношения с другими имеющимися в деле доказательствами, которые уже стали или в дальнейшем станут частью материалов рассматриваемого судебного дела.

Кроме того, не совсем ясно, почему заявленное суду признание в рамках анализируемой К. И. Комиссаровым доказательственной теории, по мнению ученого, имеет значение для суда лишь на стадии оценки доказательств и, более того, только с позиции их достаточности для вынесения итогового постановления по рассматриваемому делу.

Во-первых, однажды включенное в материалы дела средство доказывания (признание) однозначно может быть использовано судом для исследования других имеющихся в деле доказательств, в том числе для проверки их достоверности. Думается, что если суд вправе использовать уже имеющиеся в деле доказательства для проверки заявленного ему признания отдельного фак-

та, то указанный механизм может работать и в обратном порядке, позволяя проверить вновь представленные средства доказывания, обращаясь к той информации, которая составляет предмет соответствующего признания.

Во-вторых, использование заявленного признания с позиции установления достаточности доказательств для вынесения итогового судебного постановления видится несколько сомнительным. В ходе рассмотрения судом гражданских и арбитражных дел могут сложиться и такие ситуации, когда ни одно из представленных доказательств не будет связано с признанным фактом или, наоборот, они будут связаны исключительно с ним, не имея ничего общего с другими фактами, которые требуют установления.

Более того, если развивать указанную мысль, настаивая на том, что с помощью признания, полученного в ходе судебного разбирательства, суд может определить достаточность имеющихся в деле доказательств для вынесения итогового судебного постановления, то не начнут ли суды искусственно ориентироваться лишь на имеющееся у них

признание, стараясь подтвердить содержащуюся в нем информацию? На наш взгляд, границы судебного усмотрения в отношении заявленных суду признаний не должны быть настолько широкими, чтобы ставить признание во главу имеющихся в материалах дела доказательств.

Так или иначе, несмотря на высказанные выше соображения, К. И. Комиссаров однозначно прав в том, что признание не должно говорить о бесспорности отдельного факта. Нужно полностью согласиться с тем, что «одно только признание факта заинтересованной стороной не делает его бесспорно достоверным, поэтому было бы точнее именовать подобные факты не бесспорными, а неоспариваемыми или признанными» [Комиссаров 1971: 65]. Именно путем использования всех упомянутых выше аргументов ученый обозначил и устранил один из самых ярких пробелов в истории развития учения о правовой природе признания. Это лишний раз подтверждает, насколько весом вклад К. И. Комиссарова в развитие отечественной процессуальной науки.

Список литературы

- Васьковский Е. В. Избранные работы польского периода. М.: Статут, 2016. 652 с.
- Гольмстен А. Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1913. 411 с.
- Зейдер Н. Б. Юридическая природа признания в гражданском процессе // Вестник советской юстиции. 1926. № 11. С. 428–433.
- Клейнман А. Ф. Основные вопросы теории доказательств в советском гражданском процессе. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 72 с.
- Комиссаров К. И. Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства. Свердловск: Свердл. юрид. ин-т, 1971. 167 с.
- Малинин М. И. Судебное признание в гражданских делах. Одесса: Тип. Л. Нитче, 1878. 135 с.
- Михайлов М. М. Русское гражданское судопроизводство в историческом его развитии от Уложения 1649 года до издания Свода законов: рассуждение на степень доктора юридических наук, магистра гражданского права. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1856. 204 с.
- Пахман С. В. Обычное гражданское право в России: собственность, обязательства и средства судебного хранения: юридические очерки. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1877. Т. 1. 447 с.
- Полумордвинов Д. И. Признание стороны в гражданском процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1940. 247 с.
- Пучинский В. К. Признание стороны в советском гражданском процессе. М.: Госюриздат, 1955. 100 с.
- Тряпочкин Н. А. Судебное признание в цивилистическом процессе: теоретические проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 158 с.

Юдельсон К. С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе. М.: Госюриздат, 1951. 295 с.

Никита Андреевич Тряпочкин – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: nick-109usla@gmail.com.

ORCID: 0000-0001-5678-9360

K. I. Komissarov.

Admitted but not an Indisputable Fact

For several centuries by now, domestic legal scholars have been conducting a rather complex discussion about what constitutes a civil judicial admission. Is it a means of proof in a civil (or commercial) case before the court or a volitional act of persons participating in the case aimed at the release of a procedural opponent from the obligation to prove the circumstances recognized by them?

The author notes that during the Soviet period, the mentioned discussion almost came to naught, and considers the reasons why the administrative and combined (mixed) theories of recognition of facts were rejected. As a result of this rejection, Soviet scholars began to pay much attention to evidentiary theory. At the same time, only a small part of the works touched on the terminological issues in this field. The first one who drew attention to the fact that confession is not an indisputable fact that exempts from proof was K. I. Komissarov. The paper analyzes the arguments he gave and highlights the scholar's contribution to the development of domestic procedural science.

Keywords: *civil procedure, admission of facts, fact, persons participating in the case, court*

Recommended citation

Tryapochkin N. A. K. I. Komissarov. Priznanniy, no ne bessporniy fakt [K. I. Komissarov. Admitted but not an Indisputable Fact], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2024, no. 3, pp. 45–51, DOI: 10.34076/2410-2709-2024-141-3-45-51.

References

Golmsten A. Kh. *Uchebnik russkogo grazhdanskogo sudoproizvodstva* [Textbook of Russian Civil Proceedings], Saint Petersburg, Tip. M. Merkusheva, 1913, 411 p.

Kleinman A. F. *Osnovnye voprosy teorii dokazatel'stv v sovetskom grazhdanskom protsesse* [Basic Questions of the Theory of Evidence in Soviet Civil Procedure], Moscow, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1950, 72 p.

Komissarov K. I. *Zadachi sudebnogo nadzora v sfere grazhdanskogo sudoproizvodstva* [Tasks of Judicial Supervision in the Field of Civil Proceedings], Sverdlovsk, Sverdl. jurid. in-t, 1971, 167 p.

Malinin M. I. *Sudebnoe priznanie v grazhdanskikh delakh* [Judicial Admission in Civil Cases], Odessa, Tip. L. Nitche, 1878, 135 p.

Mikhailov M. M. *Russkoe grazhdanskoe sudoproizvodstvo v istoricheskom ego razvitii ot Ulozheniya 1649 goda do izdaniya Svoda zakonov: rassuzhdenie na stepen' doktora yuridicheskikh nauk, magistra grazhdanskogo prava* [Russian Civil Proceedings in Its Historical Development from the Code of 1649 to the Publication of the Code of Laws: Discussion for the Degree of Doctor of Law, Master of Civil Law], Saint Petersburg, Tip. II Otd. Sobstv. E. I. V. Kantselyarii, 1856, 204 p.

Pakhman S. V. *Obychnoe grazhdanskoe pravo v Rossii: sobstvennost', obyazatel'stva i sredstva sudebnogo khraneniya: yuridicheskie ocherki* [Common Civil Law in Russia: Property, Obligations and Means of Judicial Custody: Legal Essays], Saint Petersburg, Tip. II Otd. Sobstv. E. I. V. Kantselyarii, 1877, vol. 1, 447 p.

Polumordvinov D. I. *Priznanie storony v grazhdanskom protsesse* [Admission of a Party in Civil Procedure]: cand. jur. sc. thesis, Moscow, 1940, 247 p.

Puchinskii V. K. *Priznanie storony v sovetskom grazhdanskom protsesse* [Admission of a Party in Soviet Civil Procedure], Moscow, Gosyurizdat, 1955, 100 p.

Tryapochkin N. A. *Sudebnoe priznanie v tsivilisticheskom protsesse: teoreticheskie problemy* [Judicial Admission in the Civil Procedure: Theoretical Problems]: cand. jur. sc. thesis, Ekaterinburg, 2022, 158 p.

Vaskovskii E. V. *Izbrannye raboty pol'skogo perioda* [Selected Works of the Polish Period], Moscow, Statut, 2016, 652 p.

Yudelson K. S. *Problema dokazyvaniya v sovetskom grazhdanskom protsesse* [The Problem of Evidence in Soviet Civil Procedure], Moscow, Gosyurizdat, 1951, 295 p.

Zeider N. B. Yuridicheskaya priroda priznaniya v grazhdanskom protsesse [Legal Nature of Admission in Civil Procedure], *Vestnik sovetskoi yustitsii*, 1926, no. 11, pp. 428–433.

Nikita Tryapochkin – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of civil procedure, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: nick109usla@gmail.com.

ORCID: 0000-0001-5678-9360

Дата поступления в редакцию / Received: 15.04.2024

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 23.08.2024